



ВОСПОМИНАНИЯ

Учитель: С. М. Каштанов и Историко- архивный институт*

Л. В. СТОЛЯРОВА

Человек всегда учится лишь у тех, кого любит. Те, у которых мы учимся, правильно называются учителями, но не всякий, кто учит нас, заслуживает это имя.

И. В. Гёте

Аннотация: Статья написана в связи с 90-летием выдающегося историка, источниковеда, дипломатиста и археографа члена-корреспондента РАН Сергея Михайловича Каштанова. Преподавание С. М. Каштанова в Московском государственном Историко-архивном институте стало явлением в жизни нескольких поколений отечественных исследователей, которым посчастливилось быть учениками Каштанова, принадлежать к созданной им научной школе. В статье содержатся воспоминания о работе С. М. Каштанова на кафедре вспомогательных исторических дисциплин в конце 1980-х – начале 2000-х гг. и о руководимом им Семинаре «Источниковедение отечественной истории X–XVIII вв.». Затрагиваются вопросы, связанные с научно-педагогическими традициями кафедры, спецификой подготовки специалистов по вспомогательным историческим дисциплинам и источниковедению отечественной истории в 1980–1990-е гг. Рассказывается об особенностях методики С. М. Каштанова-преподавателя, о читаемых им лекциях и семинарах, которые он вел в МГИАИ/ИАИ–РГГУ вплоть до его увольнения наряду с другими совместителями из штата Университета.

Ключевые слова: С. М. Каштанов, Московский государственный историко-архивный институт, историография, источниковедение, вспомогательные исторические дисциплины, дипломатика, Россия

* Краткий вариант этих воспоминаний опубликован: Столярова 2022.

Lyubov V. Stolyarova

The Teacher: S. M. Kashtanov and the Institute for History and Archives

Abstract: The paper is concerned with the 90th anniversary of the outstanding historian, specialist in source studies, diplomatic, and archaeography, Member–Correspondent of the Russian Academy of Sciences, Sergey Mikhaylovich Kashtanov. His teaching in the Moscow State Institute for History and Archives (later a part of the Russian State University for Humanities) was a significant phenomenon in the life of several generations of Russian historians, who were lucky to become Kashtanov’s disciples, and to belong to his academic school. The author presents her memoirs concerning Kashtanov’s work in the Department of the Auxiliary Historical Disciplines in the 1980s– the early 2000s, and his seminar “Source Studies for the Russian History of the 10th–18th centuries”. Some issues concerned with scholarly and teaching traditions of the Department and turns of its history in the 1980s–1990s are discussed as well the methods of Kashtanov as teacher, his lectures and seminars in the Institute for History and Archives/the Russian State University for Humanities.

Key words: Sergey M. Kashtanov, the Moscow State Institute for History and Archives, historiography, source studies, auxiliary historical disciplines, diplomatic, Russia

For citation: *Столярова Л. В.* Учитель: С. М. Каштанов и Историко-архивный институт // Graphosphera: Письмо и письменные практики. 2022. Т. 2. № 1. С. 325–363. URL: <http://writing.igh.ru/index.php?id=2022-2-1-326-363>

DOI: 10.32608/2782-5272-2022-2-1-326-363

© Л. В. Столярова, 2022.

Вся творческая жизнь Сергея Михайловича Каштанова – ленинградца по рождению и казанца по воспитанию (он учился в знаменитой казанской школе № 2) – связана с Москвой и Историко-архивным институтом. Впервые он появился здесь в 1949 г., когда его отца М. Ф. Каштанова перевели из Казани на новое место службы – в Академию бронетанковых сил. Переезд семьи в Москву точно совпал с окончанием С. М. школы. Выбор вуза определился не только интересом к европейскому Средневековью с его королями и герцогами, но и возможностью не сдавать вступительные экзамены: как серебряный медалист, С. М. воспользовался правом поступить в Историко-архивный институт по результатам довольно формального собеседования. С этого момента судьбы Историко-архивного института и одного из самых блестящих его выпускников оказались неразрывно связаны: Каштанов стал его славой и легендой, Историко-архивный институт подарил ему встречу с Учителями – А. А. Зиминным и С. О. Шмидтом, друзей на всю жизнь и направление его научных занятий. Именно здесь сформировалось ядро научной школы самого С. М. и на протяжении более чем 30-ти лет при кафедре Вспомогательных исторических дисциплин действовал его знаменитый Семинар.



Илл. 1. С. М. Каштанов – руководитель научно-исследовательского семинара в ИАИ-РГГУ «Источниковедение отечественной истории X-XVIII вв.», 2006 г.

Мое знакомство с С. М. не было случайным. Напротив, оно было тщательно спланировано и подготовлено добрейшей Е. П. Маматовой. Обещая представить меня Каштанову и похлопотать, чтобы он взял меня «в ученицы», она занесла мою фамилию в гигантский Grossbuch, подчеркнув ее трижды, обведя в кружочек и пометив восклицательным знаком и словом «бесхозная». Однако в «бесхозных» я проходила еще год: вероятно, фамилия моя затерялась среди прочих обещанных к похлопотанию, а, скорее всего, Евгения Платоновна забыла обо мне, а я все стеснялась напомнить. А может быть, распухший Grossbuch с моей фамилией исчез среди себе подобных в циклопических размерах «сумочке» Е. П., где вечным грузом хранились очередные студенческие контрольные по древнерусскому языку и тексты по палеографии.

В начале моего четвертого курса тянуть с научным руководителем было уже нельзя, и я вновь заявила на кафедру к Маматовой. К моему удивлению, она меня вспомнила и приняла так, как будто я была ее «родственник»: накормила гигантской плюшкой из соседней булочной, напоила чаем, рассказала об А. А. Зимине и при мне принялась дозваниваться Каштанову. Оказалось, что Сергей Михайлович получил приглашение тогдашнего заведующего кафедрой вспомогательных исторических дисциплин незабвенного А. Л. Станиславского (1939-1990) преподавать (по совместительству) дипломатику в Историко-архивном институте. «Теперь Каштанчик от нас никуда не денется. Возьмет тебя в ученики. Будешь у него учиться. Диплом у него напишешь, а там, глядишь, и еще чего-нибудь. Сейчас мы его поймем в розовые руки и возьмем в оборот. Он, конечно, ученый с мировым именем. Весь в науке и ему вечно некогда. Но ничего. Мы его обаяем. Глав-

ное, чтобы он согласился. А куда ему деваться?» – приговаривала Маматова, время от времени накручивая диск телефона. Телефон не отвечал. «В Ленинке сидит!» – каждый раз резюмировала она и разворачивала очередную плюшку. Время близилось к ночи, мы остались на кафедре одни. Я думала о том, что даже если Евгения Платоновна не дозвонится вовсе, а я так и не найду научного руководителя, то вот этот вечер всё равно будет одним из самых замечательных в моей



Илл. 2. А. А. Зимин с дипломниками С. П. Пермитиной, Л. И. Ивиной и С. М. Каштановым

жизни. Я словно прикоснулась к чему-то прекрасному, что могло быть только мечтой. Е. П. с упоением рассказывала мне о научной школе А. А. Зимины, о его учениках, о С. М. Каштанове – самом любимом и талантливом из них. О том, что все они со временем становились Зимину больше, чем просто ученики, ближе, чем дети, роднее, чем друзья. Беседы с ними он называл «Поговорим о божественном» и всегда и во всем оставался для них Учителем – нравственным ориентиром в науке и жизни. Я мечтала о чем-то подобном. Научная школа представлялась мне в первую очередь содружеством единомышленников, а Учитель –

почти Мессией. Я плакала над словами С. М. Каштанова, написанными им вскоре после безвременной кончины А. А. Зимина. Они так потрясли меня, что и тогда и сейчас я помню их наизусть: «Я как будто и сейчас еще слышу его голос, продолжаю разговор с ним, напоминающий чем-то урок фехтования, в котором он, опытный и совершенный мастер, легко раскрывал слабые места в “обороне противника”, а сам постоянно находился в наступлении. “Вперед, и только вперед!” — таков был его лозунг. Он обескураживал не только логикой, знаниями, остротой ума, но и любовью, которая казалась незаслуженной». Я плакала потому, что опоздала родиться, и что такого Учителя и такой дружбы в моей жизни, увы, никогда не будет... Никогда.



Илл. 3. Е. П. Маматова, 1989 г.

Но неожиданно Евгения Платоновна дозвонилась. Мне была назначена встреча, на нее я пришла, волоча за собой большую сумку-тележку, содержимое которой было призвано явить Каштанову плачевный результат моих робких занятий наукой. К моему величайшему изумлению, С. М. не только принял меня без всякой спеси и очень по-доброму, сразу предложил тему дипломного сочинения и наметил первоначальный план работы, но и говорил со мной так ободряюще и так светло, что домой я неслась, словно на крыльях. Эта встреча, случившаяся 35 лет назад, определила всю мою дальнейшую жизнь.

На нашем курсе С. М. объявил спецкурс и спецсеминар по дипломатике. Никаких обязательных предметов Каштанов на нашем курсе не вел, наше знакомство с ним началось сразу с высшего пилотажа. Но были счастливицы, кому удалось попасть к Каштанову не только на специальные, но и на базовые семинары по вспомогательным историческим дисциплинам и источниковедению, которыми он руководил на 1-м и 2-м курсах. В дальнейшем С. М. старался придерживаться этой линии в пре-

подавании, и большинство его учеников 1990-х – начала 2000-х гг. занимались у него буквально с первого курса (О. И. Хоруженко, супруги О. И. и Г. А. Елисеевы, А. Е. Бурсон, С. А. Гапонов, Д. М. Яцкин, В. Ю. Кац, Е. Е. Матвеева, Н. А. Комочев, К. С. Худин, А. В. Дедук и др.), сравнительно рано оказывались в архиве, получали тему и к пятому курсу имели не только практически готовую дипломную работу, но и направление научных занятий на всю жизнь. Впрочем, жизнь складывалась у всех по-разному, в науке остались не все. А вот с Семинаром и Учителем отношения так или иначе сохранили почти все, за немногим печальным исключением.



Илл. 4. Заседание Семинара С. М. Каштанова в ИАИ РГГУ, 2006 г.

Семинар С. М. Каштанова был не только тем местом, где формировалась наша научная жизнь. Думаю, что и Учитель, работая с нами, оттачивал свои научные концепции на лекциях, которые читал нам. Лекции эти сразу поразили мое воображение. Нет, не ораторским мастерством профессора. В этом отношении, вероятно, С. М. мог кому-то и уступать. Его лекции восхищали удивительной ясностью мысли, широтой сопоставлений, грандиозным владением историографией, невероятной полноты источниковой базой, виртуозностью источниковедческого анализа и великолепием исторического синтеза. Так получилось, что второй семестр 1987/88 г., когда Семинар и Спецкурс Каштанова только начались, я провела в Ленинграде на практике в ЦГИА СССР. Пропустить занятия Учителя в Историко-архивном институте я не могла. Это было так интересно, что раз в неделю всеми правдами и неправдами я моталась из Питера на Семинар в Москву и обратно, не в силах лишиться себя этого удовольствия. Именно на нашем Семинаре и на спецкурсе С. М. Каштанова рождалась его концепция о типе Русско-

го государства и отчетливо обозначилось его увлечение компаративными исследованиями в связи с поиском доказательств типологической близости социальных отношений в Русском государстве XIV–XVI вв. и Франкском государстве VII–IX вв.



Илл. 5. С. М. Каштанов, 2000 г.

Каштанов убедительно доказал, что Россия пришла к развитию феодальных институтов (иммунитет, вассалитет, прекарий, бенефиций и пр.) спустя полтысячелетия после того, как они проделали свою эволюцию в Европе. Если в России феодальные отношения складывались на рубеже Средневековья и начала Нового времени, то в Западной Европе в то же время уже начали формироваться буржуазные отношения. Последнее не могло не сказаться на характере документирования в европейских и русских канцеляриях XIV–XVI вв. С. М. обратился к количественным сопоставлениям русских княжеских грамот с меровингскими и каролингскими прецептами, одинаково содержащими земельные и иммунитетные пожалования. Впервые в отечественной историографии была сделана попытка вывести годовую норму выдачи русских актов начиная с первой четверти XV в. (в период правления Василия Темного) и до конца XVI в. (до конца царствования Ивана Грозного). Подсчет был основан только на иммунитетных грамотах. Каштанов показал, что земельно-иммунитетные акты, выданные до конца великого княжения Василия I, по своим количественным показателям сопоставимы с меровингскими грамотами. Общее же число иммунитетных грамот, выданных в течение 160 лет с начала княжения Василия II и до конца царствования Ивана IV сравнимо с актами каролингской эпохи. С. М. показал, что интенсивность выдачи грамот при Василии II (7,3) и Иване III (9,3) была ниже, чем при Карле Лысом (13,5), однако уже при Василии III превысила указанную норму (14,3). Средняя интенсивность выдачи грамот

при Иване IV (25,2) превосходит нормы Капетингов – Людовика VI (16,5) и Людовика VII (18,5). Наряду с этим Каштанов отметил неуклонный рост ежегодной нормы выдачи иммунитетных грамот в России¹.

Мне посчастливилось оказаться в числе первых дипломников С. М. Каштанова в Историко-Архивном институте. Нас было трое «первенцев» – К. Баранов, О. Тюренкова и я. Зная о невероятной загруженности С. М. и (если честно) немного ревнуя Учителя друг к другу, мы с Барановым условились звонить ему исключительно вместе, из телефона-автомата в вестибюле станции метро Смоленская или из Ленинки. Постепенно, конечно, эта договоренность была нарушена, и мы общались с С. М. и вместе, и каждый в отдельности столько, сколько было нам нужно. Каштанов никогда не жалел времени на нас, щедро одаривая нас вниманием и любовью, которыми мы беззастенчиво пользовались. Отрваться от праздника общения с Учителем было невозможно. Мы быстро привыкли к его необыкновенному окрыляющему отношению к нам и пользовались любой возможностью пообщаться, встретиться, поговорить. Помню, как мы караулили Каштанова в Ленинке, время от времени выходя из Третьего читального зала в каталог на балюстраду, откуда открывался прекрасный вид сверху на гардероб читателей Первого (Профессорского) зала. Оповестительным знаком, точно выдающим появление С. М. в библиотеке, была его шапка необыкновенного рыжего цвета, которую мы зорко высматривали как сигнал к старту. Появление шапки означало, что Учитель прибыл, и мы со всех ног неслись в сторону Профессорского зала здороваться. Далее следовал обязательный ритуал посещения буфета, интереснейшие беседы, в которых мы были восторженными слушателями, стакан странного на вкус кофе с печеньем и «разбор полетов» – консультации по нашим работам.

Когда он находил для нас время? Почему мы никогда не чувствовали, что мы мешаем, пришли не вовремя, отвлекаем, не даем заниматься? Щедрость его к нам не имела и не имеет границ. Я свято храню все свои доклады, статьи, главы дипломной работы и диссертаций, исписанные вдоль и поперек Каштановским каллиграфическим почерком. Всегда – карандашом. Всегда с глубоким уважением к нам – начинающим, но уже коллегам. Его замечания – всегда остроумные, точные, понятные, отмеченные его тонким юмором по отношению к нашим бойким «открытиям» и чересчур уверенным умозаключениям. Нас, еще не оперившихся, он учил и решительной правкой, и четверостишием на полях, и смеш-

¹ О компаративистике как направлении в научном поиске С. М. Каштанова см. также в предисловии к настоящему номеру. Выше публикуется перевод на английский язык важнейшей теоретической статьи С. М. о принципах компаративного источниковедения (Kashtanov 2022).

ным рисунком. Это не только никогда не было обидно. Это окрыляло и придавало сил и желания работать, искать, не сдаваться. Вот это чувство крыльев у себя за спиной и ощущение счастья не покидает меня и сейчас после каждой встречи, после каждого разговора по телефону, после праздника общения, которое мне так щедро дарит Учитель. В скобках замечу, что С. М. – единственный человек в моей жизни, с которым я каждый день по несколько раз говорю по телефону на протяжении всех 35 лет драгоценнейшей для меня нашей дружбы. Эти звонки – и мои и его – были всегда и ото всюду: из дома, с дачи из уличного автомата, из больничной палаты, из санатория, из Кракова, Парижа, Варшавы, Флоренции, Казани, Ленинграда, Ростова, Пскова. Всегда.



Илл. 6. С. М. Каштанов и Л. В. Столярова на конференции в Афинах, 2008 г.

А ведь С. М. Каштанов долго и сознательно отказывался от преподавательской деятельности, всегда чувствуя себя в первую очередь ученым и не испытывая потребности учить других. Впервые он появился в студенческой аудитории МОПИ им. Н. К. Крупской, куда его сосватал В. Т. Пашуто, когда ему уже было 40 лет. На кафедру Вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института С. М. в качестве профессора пришел в возрасте 55 лет. Учитывая то, что он готовился к каждому (!) своему семинару и к каждой лекции, а также то, сколько времени и сил он тратил и тратит на нас, учеников, это было переворотом в его жизни и, конечно, наносило серьезный урон его собственным занятиям. Тем не менее жертва была принесена, но Каштанов, кажется, никогда не жалел об этом.



Илл. 7. С. М. Каштанов с одной из первых своих учениц Л.А.Кириченко

Научно-исследовательский Семинар С. М. Каштанова в МГИАИ/ИАИ-РГГУ, из которого выросли Л. А. Кириченко, К. В. Баранов, О. И. Хоруженко, Н. А. Комочев, К. Ю. Ерусалимский, А. С. Усачев, Т. В. Гимон, А. В. Дедук, К. С. Худин, Д. А. Редин и многие другие уже вполне состоявшиеся исследователи, с известными в научном сообществе своими трудами и довольно громкими именами, был не только научной, но и настоящей школой жизни. Мы проводили много времени вместе – в гостях друг у друга, дома, на даче, в студенческом общежитии. Все праздники, торжества, наши и его достижения, жизненные драмы и даже трагедии – всё разделил с нами наш Учитель. Никто так не радовался нашим победам и нашим радостям и никто так глубоко не сопереживал нашему горю, как он. И никого не было моложе и веселее него. Мы никогда не чувствовали возраста в отношениях с С. М., которые при том никогда не были панибратскими и всегда – глубоко почтительными. Он растил нас, поднимал до себя, хотя и невозможно было подняться на его высоту. Но мы стремились.

Наши доклады, которые мы готовили для Семинара, разбирались тщательно и основательно. Заседания длились часами, никто не стремился расходиться, даже когда этого требовала охрана, когда караул устал. Священным было заключительное слово Учителя, когда все вопросы уже были заданы, копия дебатов поломаны, выпит весь кафедральный чай и съедены все пироги и пышки, которые девочки обязательно готовили к каждому Семинару. Это было чудо – вот это самое заключительное слово. Всегда очень спокойно, очень по-доброму, Каштанов разбирал наши построения и систему доказательств. Он одним словом, точно подобранной фразой расставлял всё по своим местам, направлял идеи в нужное русло, подсказывал еще не

освоенную нами литературу (причем на всех мыслимых языках), советовал, к какому архивному фонду или документу следует обратиться, над чем подумать, что еще попытаться выяснить. Направления наших поисков обретали новые смыслы, оттачивалась методика исследований, открывались иные горизонты. Это было волнительно, захватывающе, интересно. Мы и после Семинара шли до метро кучкой, все вместе, окружив плотным кольцом нашего Учителя, и всё не могли наговориться. Кто-то обязательно ехал провожать С. М. до дома. Много раз так ездила и я, не в силах прекратить праздник общения. Иной раз мы провожали друг друга до последнего поезда в метро, иной раз — забыв, кто кого и куда провожает.



Илл. 8. С. М. Каштанов, 2006 г.

С Учителем мы совершили незабываемые поездки в Ростов, Ярославль, Муром, Дмитров, Торопец, Екатеринбург. Бывали в кино, театре, а старое кафе «Прага» при легендарном ресторане было излюбленным местом наших совместных посиделок с Е. П. Маматовой. В прежние времена мы довольно часто небольшой компанией отправлялись туда после Ленинки или занятий в Архиве древних актов. Жаль, что теперь этого кафе больше нет.

Когда я держала вступительные испытания в аспирантуру, Учитель волновался и тревожился не меньше моего. Последним экзаменом оставался «Марксизм-ленинизм», который включал в себя вопрос по истории партии, а также вопросы по истмату, диамату, политэкономии и научному коммунизму. Это был первый за всю историю МГИАИ такой насыщенный экзамен по марксизму, чего в 1989 г. настоятельно требовали Перестройка и новое политическое мышление. С трудом понимая, как я приготовлю всю эту кучу билетов, я обратилась за советом к Каштанову. Выслушал он меня, кажется, молча, и быстро увел разговор в сторону. Было ясно, что я погибла, и что даже Учитель не в силах мне помочь. Буквально на следующий день на кафедре С. М. вручил мне се-

рый томик «Истории Всесоюзной коммунистической партии (больше-виков). Краткий курс», выпущенный в 1946 г. Государственным изда-тельством политической литературы. «Думаю, это то, что ей надо», – заметил он, отмахиваясь от возмущенной Маматовой, пытавшейся не допустить передачу мне этого спасительного круга, брошенного совсем не вовремя, а в эпоху ускорения и гласности. К великой радости Каш-танова, экзамен по марксизму-ленинизму я выдержала на отлично, чем подтвердила торжество его правоты в вопросах теории и методики подготовки к столь ответственному испытанию.



Илл. 9. После кандидатской защиты Л. В. Столяровой в РГГУ, 1993 г.
(слева направо М. Б. Свердлов, С. В. Белецкий, Л. В. Столярова, С. М. Каштанов,
В. А. Муравьев, Е. П. Маматова)

Годы аспирантуры были невероятно плодотворными и интерес-ными для меня. Не могу не вспомнить одно из самых важных событий в моей жизни: поездку зимой 1990 г. в Ростов Великий. С. М. Каштанов предложил мне подготовить совместно с ним текст Павло-Обнорской копийной книги конца XVII в. к изданию. Эту книгу, содержащую мона-стырские копии документов, самый ранний из которых датировался XV в., С. М. обнаружил в Ростовском музее еще в начале 1960-х гг., когда путешествовал по провинциальным архивам в поисках неизвестных жалованных грамот. Прошло 30 лет, и Каштанов понял, что Обнорскую книгу было бы неплохо и издать. И вот предложение работать вместе с ним! Невероятно! Это была уникальная возможность на практике по-знакомиться с тем, как занимается с рукописями сам Каштанов, учить-ся и впитывать, перенимать и поглощать. Я и мечтать о таком не мог-ла! Предстояла поездка в Ростов Великий. Как же я ее ждала!

До сих пор не пойму, почему С. М. выбрал в компаньоны именно меня. Я в то время еще не занималась грамотами и была целиком по-глощена рукописными книгами XI–XIII вв. Кроме того, я хорошо владе-

ла древнерусским уставом и полууставом, а вот практики работы со скорописью XVII в. у меня не было. Естественно, я принялась усиленно заниматься, но из этой затеи мало что вышло: нужен был кто-то, кто согласился бы меня учить. Кинулась к Косте Баранову за помощью. Но не тут-то было. В глубине души Костя страдал, что Учитель предложил работать с ним мне, а не ему. А он-то более других был этого достоин, ибо он не только очень талантлив, но и специализировался именно на скорописи XVII в. Поэтому Костя несколько кровожадно мне отказал. Делать нечего. Поехала в Ростов, дрожа, как осиновый лист, с мыслью, что все мои несовершенства скоро будут явлены миру. Мне казалось, что Каштанов быстро поймет, с кем он связался, и прогонит меня взащей. Но все-таки я хоть немножечко смогу поработать вместе с ним. И я хоть чему-то, но научусь. А потом вернусь с позором, и вместо меня в Ростов приедет Баранов.

Но всё пошло не так. Оказалось, что С. М. хотел, чтобы я сфотографировала книгу. С чего он вообще взял, что я умею фотографировать? И где я возьму фотоаппарат? Первым делом я изучила теорию фотосъемки рукописей и поняла, что делается это со специальной оптикой старым советским фотоаппаратом «Зенит». Во-вторых, я обзвонила друзей и знакомых, и мне были выданы на прокат аж три «Зенита». Такое вот «богатство», с которым я ничего не умела делать. Даже пленку зарядить сама не могла. Дело запахло керосином, и авантюризм мой мог быть раскрыт в любую минуту.

Приехали мы в Ростов зимой, в лютый холод, в метель, в чудовищный мороз. По улицам ходим, а там снежная сказка. Деревянные дома и церквушки стоят по колени в сугробах. И окошками нам подмигивают. Печные трубы дымят. По улицам сквозь сугробы велосипедисты ездят. А вороны обледенели и к веткам примерзли намертво, даже пошевелиться не могут. В магазинах – одни продавцы, основные продукты – по талонам. Стало быть, есть нечего. С огромным трудом (нет мест) мы поселились в грязной и обшарпанной гостинице «Неро» аккуратно напротив величественного здания рынка. На рынке, как, впрочем, и во всем Ростове, ничего купить было нельзя. Перестройка! В 5 утра можно было встать, чтобы занять очередь за сметаной, которую в 7 часов привозили из Москвы и продавали вразвес, не спрашивая талона. Я вставала. Чего только не сделаешь ради любимого Учителя?

Приехать-то мы приехали, сметану жуем и хлеб, чай кипяточком завариваем в гостиничном граненом стакане. День, другой живем. А по делу ничего у нас не выходит. Нам бы рукопись сфотографировать, а дальше мы сами по фотокопиям уже в Москве управимся. Ан нет! Фотографировать запретили. Сказали, что у них свой фотограф

имеется, это во-первых. И что рукопись уникальная, бесценная и даже ветхая, а потому выдавать ее для фотосъемки нельзя (т.е. – боже упаси). Поэтому – только музейский фотограф, и точка. Это во-вторых. Фотограф, и правда, был замечательный; оставалось выяснить, сколько будет стоить фотосъемка. С этим непраздным вопросом мы потащились к директору Ростовского музея В. М. Киму. Ким нас выслушал ласково и показал новое постановление «О порядке использования документов, хранящихся в архивах и музеях СССР». Из постановления черным по белому следовало, что фотосъемка одной единицы хранения соответствовала примерно двум профессорским зарплатам. Каштанова, как природного герцога, это нисколько не смутило, и он сказал «Давайте! Плачу за всё!». Но Ким с сардонической улыбкой остановил этот героический порыв. Он сказал: «Дорогой Сергей Михайлович, не торопитесь! При всем моем уважении к вашим заслугам и герцогскому титулу, должен предупредить вас, что “единица хранения” в музее и архиве трактуются по-разному. В архиве – да. Одна книга – одна единица хранения. А в музее, драгоценнейший вы мой, единицей хранения является то, что мы можем экспонировать. Как вы понимаете, уважаемый вы наш, экспонировать можно каждый разворот книги. А вам ли не знать, любезнейший, что в Павло-Обнорской книге почти 500 листов, т. е. около 1000 страниц. Понимаете ли вы, в какую сумму вам выльются услуги фотокопирования? А главное, располагает ли Ваша светлость капиталами, равными 1000 её, т. е. светлости, месячных зарплат? Ну, из уважения к вам – если не 1000, то хотя бы 500?».

Учитель глубоко задумался, мысленно оценивая свои доходы. По его лицу я поняла, что до необходимой суммы ему не хватает совсем чуть-чуть, например моей аспирантской стипендии. И я решила на подвиг. «Скажите, – сказала я. – А я вот самый лучший в мире фотографировальщик рукописей и архивных документов. Не могли бы вы, Вячеслав Михайлович, позволить мне самой отфотографировать Обнорскую книгу, а за право ее фотографирования мы заплатили бы вам как за использование 1 единицы хранения?» Ким посмотрел на меня, как на нашкодившего щенка. Но я зажмурилась и продолжала: «Видите ли, Вячеслав Михайлович... Дело в том, что это для вашего музея Обнорская книга – древняя и уникальная. На самом же деле документов XVII в., в том числе копийных книг – да хоть завались. Да, бесценны документы, которые были скопированы в XVII в. с утраченных оригиналов и сохранились только в составе этой книги. Но они вряд ли кому-то известны. Маловероятно, чтобы эта книга заинтересовала кого-то в течение ближайших лет 30-ти. А мы – вот они. Готовые платить. Давайте мы заплатим за использование книги, как за одну единицу хране-

ния, а сфотографируем книгу сами...». Ким, как оказалось, был не против пополнить скудный бюджет провинциального музея двумя профессорскими зарплатами и одной аспирантской стипендией. А что? Какие-никакие, а все-таки живые деньги. Как же мы обрадовались!

Народная мудрость гласит: «Не говори гоп, не перескочивши». И это верно. Ким-то согласился, но намертво встала главный хранитель музея Валентина Михайловна. «No pasaran!» - красным по красному было написано на ее лице застарелого гипертоника. Она объявила, что ни на какие нарушения не пойдет, а как и за какие деньги мы будем копировать книгу – это дело наше, то есть хозяйское.

Пришли мы в гостиницу грустные, в глубокой печали. Поели сметанки с хлебом, попили чаю, и родился у нас план. Заперли мы наши скудные пожитки в номерах, да и поплелись на вокзал. Сели в поезд и умотали в Москву. Но только до следующего вечера. Обрато мы возвращались в полной боевой готовности: я везла с собой электрическую плитку, несколько кочанов капусты, разнообразные крупы, лук, морковь, картошку, муку, соль и сахар, пять десятков яиц, намертво замороженные «ножки Буша», кастрюли, сковороду, джезву, разделочную доску, скатерть и столовые приборы. Мою грудь украшали две-три связки сушеных грибов, отважно прикупленных у неизвестной бабки прямо на Ярославском вокзале. Пахли они, надо сказать, восхитительно!

Каштанов явился к поезду важный, как и полагается герцогу и феодалу на выезде – в сопровождении экипажа и двух мужиков-носильщиков. Их телеги были под завязку загружены необходимыми для науки и жизни предметами, которые Каштанов успел вынести из дома: двумя портативными печатными машинками (с русским и латинским шрифтом), сухой колбасой, сухарями, сушками, консервными банками со шпротным паштетом, сгущенкой и тушенкой, несколькими пачками бумаги, шариковыми ручками, карандашами, линейками и прочими канцтоварами, а также книгами первой и второй необходимости. Так, Каштанов вез с собой штук шесть своих монографий, оксфордский разговорник (чтобы поговорить о том, о сем с ростовскими финифтяниками), краткую медицинскую энциклопедию в 3-х томах на случай непредвиденной болезни, Симфонию на Ветхий и Новый завет, валенки от Литвина из Казани, пачку носовых платков, прикупленных им во время последней командировки в г. Париж, а также щетку для обуви с ваксой. Отдельным портфелем ехали Каштановские носки и галстуки. К ним примыкал мохеровый шарф, заботливо подаренный Каштанову Е. П. Маматовой, и бутылка яичного ликера «Адвокат» – от учеников. Как, верно, догадался проницательный читатель, мы собрались копировать книгу от руки, в очередь. И жить в Ростове, сколько

придется, постепенно обрастая хозяйством. «Корову заведем», – мечтательно заявил Учитель, видимо, с голодухи позабыв про свое герцогское достоинство. «И курей», – резюмировала я, у которой герцогского титула отродясь не бывало.

И мы стали ходить в музей копировать Обнорскую книгу, подобно средневековым писцам. Дрожала я напрасно: лучший учитель – практика. Читать скоропись я выучилась моментально. А благодаря тому, как Сергей Михайлович организовал нашу работу, очень быстро усвоила и приемы дипломатической передачи текста, разработанные им. Мы работали так: сначала Каштанов переписывает 5 страниц текста, потом я. Далее чередуемся в означенной последовательности. Параллельно делаются палеографические примечания: один из нас их диктует, просматривая рукопись, другой записывает. Дело пошло!

Весь день мы проводили в Дрвслехранилище. Приходили к открытию, уходили, когда сотрудницы читального зала начинали деликатно покашливать, сообщая нам таким образом, что их рабочий день закончился. В гостинице я развила бурную деятельность по прокорму С. М. Из моего номера по вонючим коридорам гостиницы «Неро» неслись ароматы борщей, тушеного мяса с грибами, жареной с луком картошки и даже пирожков с капустой. Пирожки я готовила из слоеного теста, жарила их в масле, и получались они невероятно аппетитными. А какой я варила кофе! По вечерам мимо моего номера нервно прохаживались толпы голодных командировочных, которых нелегкая занесла в Ростов, а потом насытила в местной пельменной супом-тошнотиком. С завистью эти бедолаги вдыхали запахи нормальной домашней еды и, водя носами, засыпали с мыслью дожить до рассвета (т. е. сметаны). Я стучалась в номер Учителя, таскала туда тарелки с кушаньями, тогда как он, сидя за столом, продолжал работать, одновременно поедая всё без особенного разбора.

Эта поездка была насыщена не только интенсивной научной работой, но и интереснейшим общением с ростовскими коллегами – совсем молодыми тогда А. Г. Мельником, Е. И. и С. В. Сазоновыми, Аллочкой Веденеевой. С ними – увлеченными, преданными исторической науке и беззаветно влюбленными в Ростов, – связано возрождение Ростовского музея, вскоре превратившегося в крупнейший научный центр. Всё свое свободное время мы проводили в их обществе, беседуя обо всем на свете. Нас, замерзающих в холодном Дрвслехранилище, они заботливо отпаивали горячим чаем у себя в отделе, устраивали для нас незабываемые экскурсии, показывали хранящиеся в музее документы и произведения искусства, щедро делились своими открытиями и находками. Каким-то образом узнав, что Сергей Михайлович большой цени-

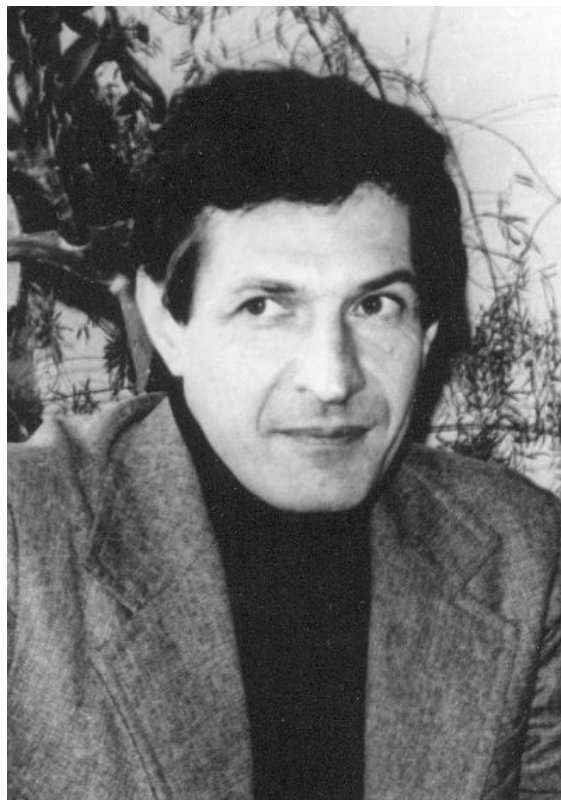
тель кондитерских сахарных трубочек (их продавали в кафе «Du Nord» [«Север»] в Ленинграде его детства и юности), А. Г. Мельник каким-то чудом отыскал в Ростове другие, но очень напоминавшие вкусом те прежние, ленинградские. Их готовили в кафе-кондитерской неподалеку от Ростовского кремля, и однажды А. Г. преподнес Каштанову гигантский пакет с 40 трубочками, скупив их все разом. Учитель просто светился от радости от такого вот неожиданного и щедрого выражения дружеского внимания и участия. Всё это делало нашу поездку каким-то сплошным восторгом и счастьем.



Илл. 10. С. М. Каштанов, Л. В. Столярова и А. Г. Мельник. Ростов, 1999 г.

Наше пребывание в Ростове было омрачено лишь однажды – скорбной вестью о безвременной кончине А. Л. Станиславского. Мы немедленно выехали в Москву, чтобы проститься с Александром Лазаревичем. С его именем связан короткий, но необыкновенно яркий период возрождения и нового расцвета нашей кафедры. Крупный ученый и незаурядный человек, А. Л., став заведующим, создал на кафедре не только удивительную атмосферу служения науке, но и собрал на ней крупнейших специалистов медиевистического профиля. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. там работали С. М. Каштанов, С. О. Шмидт, В. Б. Кобрин, О. М. Медушевская, Т. В. Дианова, И. В. Лёвочкин, М. П. Лукичев, Е. И. Каменцева, А. Е. Чекунова, Е. П. Маматова, Л. Н. Простоволосова². Чуть позже на кафедре появился В. В. Кабанов – один из самых интересных исследователей источников советского периода. При деятельном участии А. Л. Станиславского было возрождено преподавание

² Заведующий Отделом рукописей ГИМ И. В. Лёвочкин и старший научный сотрудник того же отдела Т. В. Дианова по совместительству работали на кафедре в 1984–1987 гг. по приглашению Е. И. Каменцевой.



Илл. 11. Александр Лазаревич Станиславский

исторической генеалогии, дипломатики, исторической географии, филологии. В расписании занятий появились уникальные авторские спецкурсы и спецсеминары наших выдающихся преподавателей. При кафедре действовали Кружок источниковедения С. О. Шмидта, Кружок вспомогательных исторических дисциплин И. В. Лёвочкина, Геральдический семинар Е. И. Каменцевой³, Научно-исследовательский семинар «Источниковедение отечественной истории X-XVIII вв.» С. М. Каштанова. В 1987 г. кафедра провела конференцию, посвященную 300-летию Славяно-греко-латинской академии, а осенью 1989 г. широко отметила свое 50-летие. На Ученом совете МГИАИ прозвучал доклад А. Л. Станиславского, посвященный этой дате и основанный на ранее не издававшихся архивных материалах. Впоследствии этот доклад лег в основу книги по истории кафедры вспомогательных исторических дисциплин, написанной Александром Лазаревичем совместно с Л. Н. Простоволосовой (Станиславский, Простоволосова 1990). Фундаментальная монография А. Л. Станиславского «Гражданская война в России XVII в.» уви-

³ Если мне не изменяет память, Геральдический семинар получил «конституционное» оформление несколько позднее, в начале 1990-х гг., и этому очень способствовал новый заведующий нашей кафедры В. А. Муравьев. Но первые заседания с докладами видных геральдистов и сфрагистов Е. И. Каменцева начала время от времени собирать именно при А. Л. Станиславском.

дела свет после его смерти и стала одним из крупнейших по своему значению трудов по истории Смутного времени (Станиславский 1990).

По инициативе А. Л. Станиславского были проведены первая Генеалогическая конференция (1989 г.) и Первые чтения памяти А. А. Зимина (1990 г.). В 1988 г. была организована небольшая конференция студентов, дипломников и аспирантов кафедры, на которой я делала доклад об особой – «Детской» – редакции «Повести о Петре и Февронии Муромской» по Музейскому списку ГИМ (№ 3065), Лера Коростылева – о Рязанских десятиях⁴, Костя Баранов – о новонайденном в Смоленске архиве Деревецких, Оля Тюренкова – о поморском орнаменте рукописных книг XVIII в., впервые предложив их классификацию. Конференция была очень камерной, все ее участники разместились за огромным кафедральным столом. Помню, как приветливо улыбался нам, совсем тогда юным, А. Л. Станиславский, как доброжелательно кивала головой О. М. Медушевская, как бурно участвовала в обсуждении наших работ Е. П. Маматова.

Заседания кафедры в ту пору были удивительно насыщенными, плодотворными. Обсуждались ставшие вдруг довольно многочисленными дипломные работы, кандидатские и докторские диссертации по нашей специальности. Александр Лазаревич возродил традицию регулярных научных докладов сотрудников кафедры и приглашенных исследователей. В связи с потеплением международной обстановки усилились международные связи МГИАИ и наших преподавателей. Поездки, стажировки, участия в конференциях обязательно становились предметом живого и заинтересованного обсуждения наших докладов. С особым вниманием отнесся А. Л. к уникальным коллекциям нашей кафедры – нумизматической и сфрагистической, планировал обновить их описание. Помню, что аспиранты были привлечены к разбору наших сейфов, в которых хранилось несколько грамот и старопечатных книг. На кафедре царил обстановка редкой доброжелательности и глубокой учености. Трагическая кончина Станиславского прервала этот начавшийся расцвет, хотя мы еще не понимали степени катастрофы. Мне кажется, что сам по себе уход молодого, очень красивого, бесконечно талантливого историка и преподавателя, казавшийся таким несправедливым и страшным, не дал тогда понять, каким губительным он окажется для кафедры и Историко-архивного института в целом. Так совпало, что смерть Станиславского стала первой в череде

⁴ А. Л. Станиславский со своими учениками начал большую работу по исследованию десятиен. Их изучением и публикацией занимались тогда целая группа его дипломников и аспирантов, среди которых были В. А. Кадик, В. Е. Сошников, В. В. Коростылева и др.

страшных смертей наших преподавателей, и что это было только началом горького конца. Один за другим уходили в вечность совсем не старые еще люди: В. Б. Кобрин (1930–1990), М. П. Лукичев (1950–2001), В. В. Кабанов (1934–2002), В. А. Муравьев (1941–2009), Л. А. Молчанов (1956–2013). Очередной инфаркт унес Е. П. Маматову (1934–2004). В декабре 2004 г. не стало Е. И. Каменцевой, продолжавшей читать лекции буквально до тех пор, пока она могла самостоятельно передвигаться. В 2007 г. под колесами грузовика трагически погибла О. М. Медушевская.



Илл. 12. Сигурд Оттович Шмидт

В 2013 г. умер С. О. Шмидт, хотя нашу опустевшую и явно ослабевшую кафедру он покинул еще раньше. Теперь они грустно смотрят на нас со своих портретов на стене нашей кафедры, от которой даже прежнего имени-то не осталось, а я все еще слышу их голоса... И так стыдно перед ними, перед их памятью. Мы ничего не сохранили... Когда я попала на кафедру – сначала студенткой, потом аспиранткой, потом ассистентом, я попала в семью. Здесь было интересно, шумно, здесь не все и не всегда любили друг друга, здесь разыгрывались настоящие драмы и случались умопомрачительные комедии. Но мы были семьей, иногда – коммунальной кухней, иногда – добрыми соседями, но главное – коллегами, которые делали одно большое и одинаково важное для каждого дело: занимались наукой и несли ее свет студентам. В начале 1990-х еще не было ясно, что кафедра погибает. Было очень страшно хоронить учителей и коллег, но все еще казалось, что жизнь продолжается... Что и мы чего-то можем...

Но в науке и преподавании свои законы. Вместе с нашими корифеями уходили целые направления исследований, целые научные школы, исчезали уникальные лекционные курсы, от которых сохранялись

лишь названия, краткие программы и экзаменационные билеты. Еще в 1987 г. скоропостижно скончался один из самых блистательных преподавателей МГИАИ, основатель кафедры истории государственных учреждений Николай Петрович Ерошкин. Совсем скоро не стало его ученицы и очень яркого ученого и лектора Т. П. Коржихиной (1932–1994). В 1986 г. ректором нашего института стал известный реформатор Ю. Н. Афанасьев (1934–2015). С его вступлением в должность всё поменялось в узких коридорах Историко-архивного института: появились другие лица, другие интонации, другие (гораздо более свободные) правила поведения. Наш вуз таял, мельчал, пытался меняться, перестраивался и... терял свою уникальность, свои маяки и ориентиры, свою специфику. Афанасьеву было очевидно тесно в нашем маленьком здании старой Синодальной типографии и слишком мелко в нашем архивном болоте. В 1991 г. на базе Историко-архивного института родился РГГУ – еще один университет среди себе подобных, только очень модный, перестроечный. Основными его корпусами стали прекрасные здания Высшей партийной школы на Миусской площади. Историко-архивный совсем захирел. Да что там МГИАИ! Перестала существовать даже наша страна. Неожиданно изменилась и моя жизнь. В 1995 г. по приглашению Е. А. Мельниковой и Н. А. Горской я перешла на работу в Институт российской истории, до 1998 г. продолжая трудиться на кафедре в качестве совместителя. Потом как-то незаметно оказалось, что с кафедрой меня стал связывать только Семинар Сергея Михайловича... И моя благодарная память. Моя жизнь там, увы, закончилась. Ее краткое возобновление в связи с созданием Высшей школы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в 2011 г. оказалось абсолютно формальным, совершенно для меня неинтересным и следа в моей душе не оставило. Но всё это было потом...

А пока мы вернулись в Ростов. Потерянные и опустошенные, мы, тем не менее, снова с головой окунулись в копирование Павло-Обнорской книги... Работа совершенно захватила нас. Тем более, что она... явно затягивалась. Два месяца пролетели, как один день, а мы не продвинулись даже на четверть. Пока нам с трудом, но удавалось по телефону продлевать свои командировочные удостоверения. Время от времени буквально на несколько часов я ездила на перекладных в Москву, чтобы пополнить продовольственные запасы. Но это не могло продолжаться вечно... Каким-то чудом из грязной и обшарпанной гостиницы «Неро», больше напоминавшей жалкую общагу, наши ростовский друзья переселили нас прямо в Кремль, в «Дом на погребках». Тогда эта гостиница еще не принадлежала музею, целиком обслуживая потребности туристов-однодневок. К подзадержавшимся гостям здесь

относились с явным подозрением и очень строго. Нас несколько обижал и смущал ежедневный вопрос администраторов, который сурово звучал каждый раз, когда мы покидали свои номера: «А вы СЕГОДНЯ уезжаете?». Однако жить «на погребях» было куда приятнее и удобнее, чем в нашем прежнем пристанище. И всё же, понимая всю бесперспективность наших занятий, Учитель заметно приуныл.

Однажды, сострадая нам всей душой, Ким пригласил нас выпить с ним чаю. Сидя в директорском кабинете и прихлебывая ароматный напиток с травами ростовских лугов, мы беседовали очень сердечно и по-дружески. Ким спрашивался о нашем нехитром быте, об условиях работы, как вдруг в кабинет заглянула главный хранитель. «Ах, Сергей Михайлович, очень жаль, что вы у нас так задержались. Но что ж поделать? Поможем, чем можем, хотите, лишний обогреватель из дома в читальный зал принесем. Но фотографировать рукопись... Нет! Не обессудьте...», – произнесла сочувственно, но твердо Валентина Михайловна. Повисла пауза.

«Dura...», – невозмутимо произнес Учитель. Все вздрогнули, у Валентины Михайловны ложка застучала о чашку и глаза наполнились предательской слезой. «Как дура?» – шепотом промолвила она. «...Dura lex, sed lex (закон суров, но это закон)», – продолжил Каштанов, совершенно не чувствуя неловкости положения. В следующую секунду Валентина Михайловна почему-то позволила нам постранично сфотографировать всю рукопись, и уже через неделю-другую, с папкой фотокопий, как со щитом, мы возвращались в Москву. Фотокопии нам напечатали в ростовском фотоателье на площади Успенского собора по договорной цене.

Из Ростова мы выехали поздним вечером рейсовым автобусом, в который силами пожалевших нас пассажиров были решительно погружены Каштановские портфели и мои кастрюли. Огромную папку фотокопий Каштанов из рук не выпустил и гордо вскарабкался в «Икарус» без помощи услужливых вассалов. Вместе с узлами, сумками, котомками, тюками, портфелями и драгоценной папкой нас разместили на самом последнем длинном сидении в хвосте автобуса, где мы счастливо тряслись почти все 5 часов пути до Москвы. Как и все советские путешественники, переволновавшиеся во время погрузки и рассадки, в какой-то момент мы расслабились и решили перекусить. С этой целью мною были предусмотрительно припасены бутерброды с неизменным шпротным паштетом и термос с горячим чаем. Каштанов же, не пожелав отказаться от пусть скромной, но сервировки нашего импровизированного стола, повязал у горла салфетку и вооружился перочинным ножом. Этот нож был подарен Сергею Михайловичу на 13-летие его ка-

занским другом А. Л. Литвиным (для Каштанова он всегда, еще со школы – Битвин [от англ. *between*], как и для Литвина Каштанов с тех же самых пор – только Кувшин) вместе с томиком «Трех мушкетеров» А. Дюма. И «Мушкетеры», и нож всю жизнь сопровождают Каштанова: первых он знает почти наизусть, второй всегда помещается в одном из портфелей вместе с ручками, тетрадями, бумагой в клетку, читательским билетом в Ленинку, пропуском в РГАДА и членским билетом Дома Ученых. Символ дружбы!



Илл. 13. С. М. Каштанов в шляпе мушкетера, 2014 г.

В автобусе царил полумрак, за окном мела метель, водитель сосредоточенно вел свою машину по обледеневшей дороге. Пассажиры тихо переговаривались между собой, кто-то посмеивался, кто-то спал, похрапывая. Согревшись чаем и перекусив, мы пребывали в прекрасном расположении духа, считая нашу экспедицию в Ростов удачно завершившейся. Вдруг Учитель на секунду замер и принялся ощупывать карманы. Лицо его выражало страшное беспокойство. Проверив карманы, сорвав с себя салфетку и размотав шарф, сняв ушанку и для верности заглянув в ее недра, Каштанов удивленно промолвил: «А где мой нож?».

Ножа не было нигде.

- Люба, нож нужно немедленно найти. Это подарок Битвина, я не могу его потерять. Где мой нож?

Я вскочила с насиженного места и принялась судорожно перетряхивать свои кастрюли и прочий нехитрый скарб. Ножа, маленького старого перочинного ножа с черной рукояткой не было нигде. Кто помнит устройство старых «Икарусов», тот поймет. Самое дальнее сидение располагалось на некоторой возвышенности, далее следовали две ступени вниз и узкий проход в салоне, разделявший ряды пассажирских кресел – два с правой стороны от прохода и два – с левой. Встав спиной к проходу и лицом к нашему сидению, я наощупь осмотрела ступеньки. Не имея возможности развернуться в тесном проходе, я пятилась задом по салону и, совершая зигзагообразные движения в такт подпрыгивавшему и вихлявшему на зимней дороге автобусу, внимательно исследовала пол. Автобус трясло, и меня без конца отбрасывало то к одному, то к другому креслу, что облегчало движение, но грозило падением. Так продолжалось до тех пор, пока на одном из крутых виражей меня не отнесло к кабине шофера и не приплюснуло к ней спиной. Возвращалась я тем же маршрутом, но уже лицом вперед, хотя и против направления движения, продолжая подпрыгивать вместе с автобусом и натекать на чужие колени, сумки, рюкзаки, узлы, коробки, локти и кресла. Через полчаса уже весь автобус знал про нож Битвина, Казань и детскую дружбу, которая никогда и ничем не была омрачена, длится 46 лет и теперь рискует продолжиться без ее важнейшего атрибута – перочинного ножа. В этом контексте нашими попутчиками – настоящими советскими людьми – утрата ножа была воспринята как общая трагедия и принята близко к сердцу каждым. По узкому проходу между сидениями поползли на четвереньках сочувствующие горю граждане. Кто-то светил фонариком и даже чиркал спичками. Кто-то привставал со своих мест и стряхивал с себя на пол что-то невидимое, кто-то давал советы. Безучастным не остался никто. Сидя, как падишах, на возвышавшемся над всеми заднем сидении, с немислимой печалью во взоре Каштанов в шапке-ушанке руководил поисковыми работами. На полу копошились пассажиры.

- Вот там! В том углу еще посветите! Еще вот тут, пожалуйста! Будьте добры, вооооон там, под сумкой вашей, нет ли моего ножа? А под ногой у вас? Нет??? Тогда и другую ногу поднимите, не откажите в любезности!

Ножа не было нигде. Он бесследно исчез.

Последние двадцать минут до Москвы автобус следовал в скорбном молчании. По прибытии притихшие попутчики, прихватив свои пожитки, выходили из автобуса, бросив на прощание сочувственный

взгляд Каштану. Кто-то даже подходил пожать ему руку. Настал и наш черед продвигаться к выходу. Каштанов, обняв папку с фотокопиями, встал со своего трона. Что-то соскользнуло с кресла вниз и глухо ударилось об пол. Это нож Битвина, на котором СМ спокойно просидел всю поисковую операцию, руководя ею, обнаружил себя падением. Таким образом, наше предприятие по подготовке к первому этапу издания Павло-Обнорской копийной книги счастливо завершилось. Ростов же навсегда остался совершенно особым местом в нашей жизни, где у нас появились очень близкие люди, с которыми мы крепко и на всю жизнь подружились. В дальнейшем мы ездили сюда всем Семинаром, участвовали в ежегодной музейской конференции «История и культура Ростовской земли», принимали у себя ростовцев и с живостью обсуждали интереснейшие их доклады, статьи и монографии.

В феврале 1990 г. исполнялось 70 лет со дня рождения Александра Александровича Зимина и 10 лет со дня его безвременной кончины. Наша кафедра (а я уже смело пишу «наша», ибо к тому времени уже была ее аспиранткой) отметила эти даты грандиозной международной конференцией «Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв.», проведенной в мае. В конференции участвовали крупнейшие слависты нашей страны, нескольких государств Европы и США – Я. Н. Щапов, В. Д. Назаров, Ю. Д. Рыков, А. И. Клибанов, Н. В. Синицына, В. М. Панеях, А. Л. Литвин, М. Б. Свердлов, А. А. Севастьянова, А. Е. Майорова, Л. И. Ивина, Э. Банёнис, А. В. Поппэ, Патрисия Гримстед Кеннеди, Джоанн Афферика, Р. Крамми, Д. Уо, П. Ниче, Д. М. Шаховской и др. Это был выдающийся научный форум, равного которому по его значению и масштабу, пожалуй, в то время и не было. Конференцию тщательно и с любовью готовили вдова А. А. Зимина Валентина Григорьевна, В. Б. Кобрин, А. Л. Хорошкевич, Л. Н. Простоловцова, Е. П. Маматова, С. М. Каштанов. Одним из идейных вдохновителей Первых Зиминских чтений был А. Л. Станиславский. К сожалению, они открылись уже без него.

Помню, что в те времена действовал жесткий порядок: участвуют в мемориальной конференции достойнейшие и преимущественно те, кто лично знал ученого, памяти которого посвящалась конференция, дружил и работал с ним. При этом тематика представленных к обсуждению докладов должна была строго соответствовать научным интересам ученого, памяти которого научный форум проводился. Принцип, господствующий сегодня, – участвовать, лишь бы опубликовали, тогда не только не работал, а и в голову никому не приходил. На Первых чтениях памяти А. А. Зимина мы, аспиранты, помогали, чем могли, дежурили, встречали, сопровождали, обзванивали и, конечно, благоговейно и



Илл. 14. Титульный лист сборника тезисов докладов Первых чтений памяти А. А. Зимина с подписями его участников (фото экземпляра сборника, преподнесенного вдове А. Л. Станиславского Светлане Петровне Мордовиной)

восхищенно посещали все заседания. Смотрели, слушали, впитывали, учились. Сделать свои доклады мы даже не смели, хотя я не помню, чтобы нам кто-то в этом отказывал. Тем не менее нас всех представили корифеям. Мы имели возможность пожать руку крупнейшим ученым, общаться с ними и задавать им вопросы. Мы с волнением и трепещущим сердцем бежали на каждое заседание, потому что нам было не только по-настоящему интересно, а потому, что мы чувствовали свою причастность к научной школе Зимина (все мы были так или иначе учениками учени-

ков) и настоящей большой науке. Пусть пока еще в качестве подмастерьев. Уже одно это было безграничным счастьем.

С. М. Каштанов всегда считал своим долгом принять коллег у себя дома, накормить и всячески со всем свойственным его семье хлебосольством угостить. Коллеги из других городов и иностранные гости обязательно приезжали к нему в Черёмушки, было так и в этот раз. Сейчас невозможно представить, каких усилий стоили жене Сергея Михайловича незабвенной Любви Захаровне эти приемы. Перестройка, продуктов нет, магазины пустые. Из напитков – только водка по карточкам, какое там «Бургундское»! И тем не менее, стол получился незабываемо шикарным. Гора блинов, оливье, селедка под шубой, студень, вареная картошка с жареным луком, многочисленные домашние соленья из грибов, огурцов, помидоров, рижские шпроты и изысканный салат из печени трески. А какие Любовь Захаровна испекла пирожки! Маленькие, румяные, с малым количеством теста и щедрой начинкой – капустной, мясной, рыбной! Нас никто никогда не просил, но мы считали своим долгом притащить к столу что-то из дома: наливки, салаты, пышки, сочиненный из манной крупы торт «Птичье молоко» или даже какое-то подобие сыров и колбас. Всё это дополнило угощения Любви Захаровны. Но в тот раз удивил всех Алексей (Альтер) Львович Литвин. Выйдя к гостям, он строго осмотрел всех, поклонился, широко повел левой рукой и громко произнес: «А ну, дамы, господа и товарищи, налетайте!» Правой рукой, на одних пальцах (как заправский официант) он держал гигантское фарфоровое блюдо с золотой каемочкой. На нем горой возлежала... вобла, любовно привезенная им из Казани. Помню, что вобла эта немало порадовала тогда профессора Поппэ.

Дом Каштановых всегда славился своим гостеприимством. Две комнаты из казавшейся огромной и сплошь заставленной стеллажами с книгами четырехкомнатной квартиры превращались в зал приемов. В кабинете С. М. и в большой комнате сдвигались вместе столы, рассаживались гости. Между комнатами-столами курсировал довольный Сергей Михайлович с крахмальной салфеткой у воротника и большим бокалом вина. Гости тоже имели возможность свободно перемещаться и набивались туда, где в этот момент было интереснее и веселее, где пелись песни, гремели научные споры, вспоминали Зимина, говорил С. О. Шмидт или читал свои остроумнейшие стихи и прозу сам Каштанов. Мы, ученики, как и дети Сергея Михайловича и Любви Захаровны Оля и Павлик, всегда были участниками (причем активнейшими!) этих застолий. Пели, сочиняли, разыгрывали какие-то сценки, рассказывали анекдоты и никогда, никогда не хотели уходить... Мы очень хорошо понимали свое скромное место желторотых птенцов, но вводились в общество старших

коллег как любимые дети Учителя, как часть его научной школы, как ученики и последователи. За это чувство причастности к чему-то огромному и настоящему я особенно благодарна Сергею Михайловичу.



Илл. 15. Владимир Борисович Кобрин

В июле того же насыщенного событиями года на кафедре отмечался 60-летний юбилей профессора В. Б. Кобрин (1930–1990). Его боготворили все без исключения студенты и коллеги. В Историко-архивный он пришел из МГПИ в 1989 г. по приглашению А. Л. Станиславского и проработал на нашей кафедре ровно год до своей безвременной кончины. Читал он лекционный курс по вспомогательным историческим дисциплинам на вечернем отделении, составив очевидную конкуренцию занудным лекциям Е. И. Каменцевой, работавшей на дневном. На вечернем отделении всё чаще стали появляться толпы дневников, пришедших насладиться блеском профессорской учености и ярчайшего красноречия Кобрин. Лекции Владимира Борисовича проходили с неизменным аншлагом, народ валил на них валом и разве что на люстрах не висел. Всё это не осталось незамеченным Еленой Ивановной и воспринималось ею весьма ревниво и болезненно.

С невероятным трудом (Перестройка!) нам с Маматовой удалось добыть кафедральный подарок Владимиру Борисовичу – огромный набор мельхиоровых столовых приборов в роскошном, крытом бархатом футляре. Каштанов написал полагающуюся случаю хохмаческую жалованную грамоту, где фигурировали все кафедры и славился Кобрин. А я взялась эту грамоту художественно оформить.

Имея известную слабость к монументальности и обожая Кобрина, я затеяла грандиозное полотно «Бурлаки на Неглинке тащат кафедральный крест». Полотно было навеяно «Бурлаками на Волге» И. Е. Репина и дотошно следовало его настроению и композиции. Все члены нашей кафедры были изображены в виде сермяжных бурлаков, босыми или в лаптях, в страшных лохмотьях, косматыми и грязными. Все они были впряжены в гигантский крест, нагруженный покосившейся трибуной, рукописями и учебниками, который (на фоне Никольской башни московского Кремля и памятника Ф. Э. Дзержинскому на Лубянке⁵) они с явным напряжением тянули⁶. Изображение помещалось на лицевой стороне Каштановской грамоты, которую я переписала скорописью XVI в. и к которой привесила печать, испеченную из керамического теста в духовке. На аверсе печати располагалось священное животное историка – архивная крыса – с надписью по кругу «Да здравствуют дисциплины вспомогательные!», на реверсе – портрет Ивана Грозного (главного героя научных штудий В. Б. Кобрина) и надпись «Долой дисциплину обязательную!». Размер грамоты поражал воображение: она помещалась на склеенных вместе трех ватманских листах. Как всегда, всё делалось ночью накануне празднования и утром следующего дня. Несмотря на то, что мне пришлось обойтись без сна, времени катастрофически не хватало. Бурлаков оказалось слишком много. Особенно удались мне Кобрин, Шмидт, Каменцева, Маматова, Кабанов и Каштанов.

Время празднования приближалось, а грамота всё еще не была готова. Я никак не могла изобразить в виде бурлака изысканнейшую О. М. Медушевскую. Не удавался мне и М. П. Лукичев, как две капли воды похожий на Атоса в состоянии после принятия внутрь последней бутылки из полдюжины «Анжуйского». Празднование было под угрозой.

Вспомнив, что Каштанов в детстве учился в художественной школе и приходится внуком знаменитому художнику-медальеру Грилихису, я решила прибегнуть к его спасительной помощи. Пробормотав в телефонную трубку что-то типа «Один за всех, все на одного!», Каштанов поймал такси и был у меня дома через каких-то 40 минут при галстукке и почти во фраке. Мне пришлось взвалить на него воплощение образов Ольги Михайловны и Лукичева, а я рванула принимать душ после бессонной ночи и гладить праздничное платье.

⁵ В то время основным зданием Историко-архивного института, где помещалась наша кафедра, было знаменитое здание с солнечными часами, львом и единорогом на фасаде, расположенное как раз между Красной площадью и Лубянской (ул. 25-го Октября, д. 15, ныне ул. Никольская).

⁶ Судьба этой грамоты после смерти В. Б. Кобрина мне не известна. Вероятно, она хранится в его личном архиве.



Илл. 16. М. П. Лукичев крайний справа

Как известно, Каштанов – дальтоник и хорошо различает только желтый и синий цвета. Я сосредоточенно утюжила платье и через стенку пыталась по памяти объяснить Каштанову, где у меня какая краска находится относительно тюбика с краской желтой. Когда я вернулась, дыша духами и туманами, я обнаружила Каштана лежащим на полу на животе с кистью и палитрой в руках. Нижняя часть Каштана в носках и брюках аккуратно помещалась под диваном, а верхняя, облаченная в парадный пиджак, творила большое искусство. Галстук в малиновую полоску валялся рядом (вероятно, он, как душащая творца пута, был сброшен Каштановым в охватившем его творческом угаре). Образ Ольги Михайловны был решен в высшей степени остроумно. Бурлака из нее не могло выйти по определению, а потому она была изображена Каштановым с очаровательными локонами, в шляпке с большими полями, платье в рюшах и кринолинах, туфельках-лодочках и сетчатых ажурных чулках. Ручки этой красотки украшали шелковые перчатки длиной чуть выше локтя. На щеке жестоко пылала клякса, искусно превращенная Каштановым в кокетливую мушку. Образ Ольги Михайловны несколько портил выразительный нос крючком, хотя портретному сходству с оригиналом это, на мой взгляд, не повредило.

Соответствующей трактовке подвергся и образ Лукичева, который был облачен в мушкетерский костюм, шляпу с пером, ботфорты и перчатки. В правой его руке сверкала изящная шпага. Среди моих сермяжных бурлаков эти двое смотрелись особенно пикантно. Внутренне я порадовалась совпадению наших с Каштаном мироощущений и тому, что только подуманное мною оказалось воплощено в нашем монументальном полотне им (воистину: *Aliis si licet, tibi non licet*⁷).

⁷ Другим это дозволено, вам не дозволено (лат.).



Илл. 17. Е. П. Маматова и С. М. Каштанов на кафедре вспомогательных исторических дисциплин, 1990 г.

Кое-как свернув наше творение в гигантский свиток, мы помчались на кафедру, откуда ежесекундно звонила разгоряченная Маматова: «Ну мягкие зайцы, вы где??? Летите мухой! А то явитесь к шапочному разбору...». Успели мы как раз вовремя. Каштанов прочитал грамоту, Кобрину вручили коробку с «вилами и ложами», и все бросились рассматривать бурлаков, радостно хохоча и узнавая друг друга. К нашему огорчению, постаралась не узнать себя Ольга Михайловна (все-таки нос был действительно крючковат, а мушка на пылающей щеке отдавала фривольностью), да разъярилась Елена Ивановна, которой явно хотелось чулок, рюшей и шляпки Ольги Михайловны, а достались ей лишь бурлацкие лохмотья и обмотки.

Кроме того, неожиданному разносу подверглась моя надпись на печати с архивной крысой, призывающей славить вспомогательные исторические дисциплины и игнорировать «дисциплину обязательную» – некий твердо установленный порядок поведения, несколько противоестественный для людей вечно куда-то спешащих, регулярно опаздывающих, чего-то не успевающих и очень творческих, к коим я относил всех наших почтенных кафедралов. Елена Ивановна поняла эту надпись совершенно по-своему, трактуя оборот «дисциплина обязательная» как намек на ее, Каменцевой, обязательный лекционный курс, который я в надписи на печати будто бы призвала едва ли не ликвидировать. Конечно, такое прочтение было навеяно ревностью Елены Ивановны к популярности у студентов лекций Кобринина. Юбилей едва не кончился скандалом, который Каменцева уж совсем было пригото-

вилась закатить. Однако этот пожар удалось потушить рюмочкой «Аморетти», которую вовремя поднес Е. И. сообразительный Лукичев.

А через несколько дней в ресторане «Будапешт» состоялось еще одно – расширенное – празднование юбилея Владимира Борисовича, на которое приехали его друзья и коллеги со всей страны. Это было так здорово! Никогда не забуду, как весело мы отплясывали с Каштановым чарльстон!

Меня поражало и поражает страстное и ревностное отношение Сергея Михайловича к предмету своих исследований. Влюбленный в дипломатику, он с юношеским пылом открывает для себя все новые и новые дороги, по которым он хотел бы пройти сам, только сам, без врагов и союзников. Так велико наслаждение, которое он получает, занимаясь наукой. Нынешняя его страсть – подлинники средневековых русских грамот. И путь его не знает преград.

Я помню, как однажды, на заре моей туманной юности, мы шли с С. М. из Ленинки по Александровскому саду. Шли на Семинар в Историко-архивный и, кажется, довольно быстро, т. к. время поджимало. Меня тогда интересовало всё, и об этом всё хотелось знать мнение Учителя. Между нами произошел примерно такой диалог:

- Сергей Михайлович, а вот скажите, пожалуйста, думали ли Вы о типах человеческих личностей?

- О чем???

- Ну, какие бывают люди? На кого они делятся?

- Люба, люди в основе своей делятся на две большие группы. Лучшие – это женщины, и худшие – это мужчины. Худшие делятся на еще более худших, а именно тех, кто занимается жалованными грамотами, и на лучших, а именно тех, кто жалованными грамотами не занимается!

Его помощь всегда действенна. Она никогда не представлялась чем-то особенным, просто она обязательно была, и воспринималась, как должное. Обо всем сказать в коротенькой заметке невозможно, но сейчас мне вспоминаются трогательные моменты, когда поддержка С. М. оказывалась не только своевременной, но и просто жизненно важной. В 1997 г. я занималась подготовкой к изданию моей первой книги «Древнерусские надписи на пергаменных кодексах XI–XIV вв.» и нередко для снятия вопросов посещала на дому редактора издательства «Наука» М. М. Леренман, работавшую с моей рукописью. Дело было зимой, засиживалась я у Майи Михайловны долго, т.к. вела она мою книгу очень тщательно и въедливо и каждую свою правку считала важным обсудить с автором, т.е. со мной. Когда мы закончили, и пришло время уходить, оказалось, что собака Майи Михайловны съела в прихожей мои единственные зимние ботинки. Мне остались только обгрызенная

подошва, шнурки и остатки задников. Смущенная М. М., отругав собаку, укутала мне ноги шерстяными носками, газетами, полотенцами и целлофаном, примотав всю эту конструкцию к подошвам и задникам веревками так, чтобы можно было доплестись до метро. В таком бравом виде я кое-как прибыла домой. Однако другой обуви у меня не было, а на работу в Институт российской истории РАН мне следовало являться хотя бы два раза в неделю. Время было известное, трудное, зарплаты моей хватало разве что на метро. Купить новую пару зимних ботинок я не могла.

Рассказав С. М. о происшествии с ботинками и постаравшись представить ситуацию как можно комичнее, я приготовилась сидеть дома в ожидании, когда финансовое положение позволит мне купить хоть какую-нибудь обувь. Каково же было мое изумление, когда утром следующего дня Каштанов тоном, не терпящим возражений, велел мне подъехать к ГУМу так срочно, как только я смогу. Повторив процедуру с обмотками и подметками, я выкатилась из дому и прибыла в сказанное Учителем место. Знающие Каштанова поймут, что значит для него утренний выход, а тем более – своевременное прибытие на встречу. Меньше, чем на 40 минут, Каштанов не опаздывал никогда, отмечая при этом, что он не король, а всего лишь герцог. Прошаркав к ГУМУ, я обнаружила там изрядно подмерзшего Каштанова с портфелем. Приветствуя меня с выражением крайнего неудовольствия («Где же вас носит, маркиза?»), С. М. быстро затолкал меня в обувной отдел, где продавщица с халой на голове, с трудом преодолевая презрение к моим обмоткам, выдала мне пару новеньких ботинок на меху и с невероятными золотыми пряжками. Этот отнюдь не герцогский, но королевский подарок я запомнила на всю жизнь, а пряжки от тех ботинок, которые служили мне еще очень долго, я храню до сих пор.

Сергей Михайлович никогда не читает нотаций и не дает советов. Он просто помогает и делает. Его нравственные ориентиры необычайно высоки, а отношение к людям – всегда доброжелательное и заинтересованное – заставляет восхищаться его деликатностью, щепетильностью, удивительной интеллигентностью. Он мучительно и беспощадно требователен к себе и бесконечно великодушен и терпелив с другими. Его поведение во многих ситуациях не раз остужало мой непозволительный пыл, резкие суждения и оценки, учило быть бережнее и внимательнее к людям. Если и есть во мне что-то хорошее, то оно не от книг (по Горькому), а от Каштанова. Влюбленный в свою профессию самозабвенно и искренне, он учит отношению к науке, как к служению. Здесь у С. М. все по самому высокому, гамбургскому счету.

Весной 1991 г. С. М. Каштанов получил приглашение прочесть публичную лекцию в Политехническом музее. Тема была громкой – «Эпоха Ивана Грозного» – и ожидаемо привлекла большое число слушателей. Вместе с К. Барановым отправилась на эту лекцию и я. Время было смутное. Книжные прилавки были завалены спорными сочинениями из мировой и российской истории, в моду вошли сенсационные разоблачения и развенчания, толпа смаковала интимные подробности частной жизни знаменитостей и нередко сосредотачивала свой интерес на чем-то весьма сомнительном и даже странном. Среди тех, кто пришел в Политехнический музей, специалистов по истории России XVI в. ожидаемо не оказалось. Это была довольно пестрая по своему составу аудитория, в которой попадались и люди странного бомжеватого вида, и пенсионерки с котомками, и молодежь, и весьма интеллектуальная публика явно из «физиков», а не «лириков». По своему обыкновению тщательно готовиться к каждому выступлению, С. М. явился на лекцию с пачкой исписанных мелким почерком листов, которыми он, впрочем, пользоваться не собирался. Всегда имея полностью написанный текст любой своей лекции или доклада, С. М. никогда не позволял себе произносить его по бумажке. Каштанов считает, что, во-первых, говорить по писанному скучно, во-вторых, это быстро утомляет слушателей, а, в-третьих, сбивает с мысли самого лектора. Все подготовительные материалы помогали ему продумать структуру лекции, отобрать материал, освежить в памяти источники, сосредоточиться на тех вопросах, которые ему в этот момент были интересны. Делать то, что самому интересно и важно, не подстраиваясь ни под кого и ни подо что – главное для Каштанова. Так было и в этот раз. С. М. начал с определения территории Русского государства времени Ивана Грозного, особенностей экономического развития и социальной структуры, численности населения, направлений внутренней и внешней политики. По рядам прокатилась волна возмущения. Публика ждала кровавых подробностей опричных казней, рассказов о женах Ивана Грозного и сцен безумия первого русского царя. По крайней мере, именно это было написано в записке, которую передали С. М. на кафедру. Прочитав записку, Сергей Михайлович сообщил залу, что женами он не занимается, а лекцию может продолжать только в том ключе, в каком он ее начал, т.е. в порядке последовательного изложения истории России времени Ивана Грозного.

Такой подход потряс меня до глубины души. Это была одна из самых интересных лекций, которые мне когда-либо доводилось слушать. Яркая, глубокая, основанная не на иллюстративном подходе к отдельным историческим событиям и фактам, а на систематическом изложении материала. Лекция, которая, увы, не встретила отклика аудитории.



Илл. 18. С. М. Каштанов с учениками и коллегами.
Слева направо: С. Ю. Королева, Т. В. Гимон, С. М. Каштанов, А. В. Мельник,
Н. А. Комочев, Т. А. Тутова, А. В. Дедук, 2014 г.

Я очень расстроилась. И, тем не менее, урок на всю жизнь был получен. Можно и нужно сохранять гибкость в повседневных отношениях с людьми, понимать, слушать, сострадать, идти на возможные компромиссы. Но когда дело касается профессии, опускаться до ожиданий толпы категорически нельзя. Тем более преподавателю. Как бы это ни было неприятно и даже болезненно для собственного самолюбия. Помогать, вести за собой, подтягивать к нужному уровню, но и только. Ибо историческая наука – не развлечение для дилетантов, не прокурор и не адвокат, и даже не сомнительный «учитель жизни», чьей указкой можно вертеть и вправо, и влево в зависимости от ситуации. Это именно наука, тяжелейшее ремесло и труд, в котором ученый нравственно ответствен за каждое сказанное им слово. В первую очередь перед самим собой.

В РГГУ Историко-архивный институт со своими специфическими кафедрами и преподаваемыми дисциплинами оказался явным пятым колесом в новой Афанасьевской золоченой телеге. Уничтожались целые направления и курсы. Резко сокращались часы аудиторных занятий. На кафедре постепенно перестали защищаться дипломы и готовиться диссертации. Мы не понимали тогда, что кафедра умирает.

Псевдонаучное, модное, как бы «новое» пришло на место когда-то преподаваемых нами дисциплин: историческая эвристика, кентавристика... Кафедраам прежде не приходилось делить две ставки на несколько человек, а теперь вдруг не стало нагрузки, и совместители превратились в ненужный балласт. От балласта (в том числе – от выдающегося ученого, члена-корреспондента РАН и почетного профессора РГГУ С. М. Каштанова) быстро избавились. Никому и в голову не приходило, что основы ремесла историка – палеография, дипломатика, хронология, генеалогия, источниковедение вдруг станут ненужной рухлядью (реформа образования, между прочим!). Или это только совпадение, просто кафедра вдруг состарилась вместе со своими стариками?

Когда часы практических занятий в РГГУ стали неуклонно сокращаться, курсы урезались, а аудиторная нагрузка преподавателей распределялась по-новому, и ее на всех не хватило (это на нашей-то кафедре, где учили базовым для медиевистов предметам, основе ремесла!), прежние структуры стали разрушаться. Прежде одна и та же группа студентов, начав заниматься с преподавателем палеографией и другими специальными дисциплинами на 1-м курсе, оставалась за ним и на 2-м курсе на семинарах по источниковедению. Это очень развивало студентов, способствовало формированию школы, позволяло, не сужая кругозор, разрабатывать проблематику, избранную в самом начале научного пути. В результате выпускники кафедры готовили очень зрелые дипломные работы, некоторые из которых вполне соответствовали уровню кандидатских диссертаций или приближались к нему. Теперь эта преемственность была нарушена. Каштанов сначала получил только семинар по вспомогательным историческим дисциплинам, а занятий по источниковедению с группой второкурсников, которые учились у него в прошлом году, ему не дали. На другой год ситуация повторилась: ему были распределены семинары по источниковедению, но занятий по вспомогательным он лишился. Постепенно и этой нагрузки не стало. За Каштановым оставили только спецкурс по запискам иностранцам и спецсеминар по источниковедению. При этом с 2014 по 2017 г., когда РГГУ избавился от совместителей и, в том числе, от своего почетного профессора С. М. Каштанова, Семинар проводился исключительно на дому у его руководителя под неизменные пирожки к чаю его жены Любови Захаровны.

Сейчас, когда Учитель отмечает свой 90-летний юбилей, он так же, как и прежде, азартен в своих научных поисках и так же, как прежде, молод душой. Когда-то С. М. сказал мне, что отношения между учителем и учеником особые. Это и не любовь, и не дружба, и не просто духовное родство и глубочайшее уважение друг к другу. Это всегда нечто большее. Я всегда помню об этом и знаю, что для меня С. М. Кашта-



Илл. 19. С. М. Каштанов с учениками и коллегами. Слева направо, в первом ряду: С. М. Каштанов с женой Л. З. Мильготиной и сыном П. С. Каштановым; во втором ряду: А. В. Мельников, А. С. Усачев, А. Г. Мельник, А. В. Кузьмин, Д. М. Яцкин, В. Ю. Кац, О. В. Тюренкова, Л. В. Столярова, К. В. Баранов, Д. А. Редин, С. Г. Гапонов; в третьем ряду: Н. А. Комочев, Т. В. Гимон, К. Ю. Ерусалимский, О. И. Хоруженко, Н. В. Егорова, 2017 г.

нов – это и Учитель, и Друг, и Отец, и та соломинка, за которую я держусь из последних сил, когда тяжело. Главное, что для меня он – всё то, что только может значить один человек для другого. А может быть – он и есть главный человек в моей жизни, который создал для меня ту систему ценностей, в которой я существую. Человек, чьего удивительного отношения ко мне я, увы, не заслуживаю.

И последнее. Был очень непростой период в жизни Сергея Михайловича, когда он заболел. Ему становилось всё хуже и хуже, диагноза не было, мы метались от одного врача к другому, не зная, что еще можно сделать для Учителя. Всеми правдами и неправдами прорвавшись к нему в реанимацию больницы Управделами Президента РФ, я увидела Каштанова неподвижно лежащим с закрытыми глазами. В отчаянье я разревелась и не думая, что он слышит меня, спросила: «Сергей Михайлович, что мне сделать для Вас? Чем я могу помочь Вам? Что Вы хотите?». Учитель открыл глаза, спокойно посмотрел на меня и ответил: «Я хочу заниматься наукой».

Дорогой Сергей Михайлович! Будьте здоровы, счастливы, веселы. Я так же, как и 35 лет назад, радуюсь каждому нашему разговору и с нетерпением жду наших встреч, которые дают мне силы и окрыляют меня, как в юности. Я знаю, что каждый Ваш день, как и всегда, проходит в труде и в безмерной, безграничной увлеченности наукой. Наукой, в

которой Вы сделали так много, в которой Вы сделаете еще больше, и в истории которой золотыми буквами уже вписано Ваше светлое имя. А я по-прежнему с нетерпением жду, когда открою первую страницу Вашей новой книги и начну читать ее – совершенную по форме и удивительную – по глубине мысли и содержанию.

С любовью к Вам...

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. [*Stanislavskiy A. L. Grazhdanskaya vojna v Rossii XVII v.: Kazachestvo na perelome istorii. Moscow, 1990.*]

Станиславский А. Л., Простоволосова Л. Н. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: Учебное пособие / Отв. ред. О. М. Медушевская. М., 1990. [*Stanislavskiy A. L., Prostovolosova L. N. Istoriya kafedry vspomogatel'nykh istoricheskikh distsiplin: Uchebnoye posobiye / Ed. O. M. Medushevskaya. M., 1990.*]

Столярова Л. В. Между прошлым и будущим: С. М. Каштанов в Историко-архивном институте // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Мат-лы XXXIV Всерос. науч. конф. с междунар. участием, Москва, 7–8 апреля 2022 г. М., 2022. С. 7–15. [*Stolyarova L. V. Mezhdru proshlym i budushchim: S. M. Kashtanov v Istoriko-arkhivnom institute (Between the Past and the Future: S. M. Kashtanov in the Institute for History and Archives) // Vspomogatel'nyye istoricheskiye distsipliny v sovremenном nauchnom znanii: Mat-ly XXXIV Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiyem, Moskva, 7–8 aprelya 2022 g. Moscow, 2022. S. 7–15.*]

Kashtanov S. M. On the Theory and the Practice of Comparative Source Studies // *Graphosphera: Письмо и письменные практики / Writing and Written Practices.* 2022. Vol. 2. № 1. P. 13–24. (<http://writing.igh.ru/index.php?id=2022-2-1-13-24>)

Информация об авторе

ЛЮБОВЬ ВИКТОРОВНА СТОЛЯРОВА
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела истории Византии и Восточной Европы, Институт всеобщей истории РАН
Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32А
e-mail: lvsto@mail.ru

Information about the author

LYUBOV V. STOLYAROVA
Dr.Sc. (Hist.), Leading Researcher at the Department of Byzantine and East European History of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
Russian Federation, 119334, Moscow, Leninsky Prospekt 32A
e-mail: lvsto@mail.ru